

Дворик Опавшего Ветра

— Ты хочешь узнать о нём? — выслушав Тянь Цаньцюэ, Лань Фэн приподнял бровь.

— Да, — коротко ответил мальчик. На его лице больше не осталось и следа недавнего гнева.

Глядя на то, как быстро Тянь Цаньцюэ взял себя в руки, Лань Фэн мысленно кивнул. Каким бы ни был этот ребёнок в остальном, его самообладание вызывало уважение. Всё-таки кровь — не водица, они с отцом поразительно похожи. При мысли о Тянь Исюане Лань Фэн невольно поймал себя на том, что до сих пор не может понять, чего в его собственном отношении к Главе дворца больше: почтения или глубокого страха.

— Его зовут Мужун Са, — заговорил наставник, собираясь с мыслями. — Он — глава Обители Бессмертных. Не только непревзойдённый мастер боевых искусств, но и виртуоз, чья игра на цине и флейте признана величайшим искусством в Поднебесной.

Лань Фэн говорил лаконично, давая лишь самую суть.

— Его руки... — Тянь Цаньцюэ запнулся, в его голосе прозвучало сомнение.

Лань Фэн молча смотрел на него, не торопясь нарушать тишину.

— Его руки... — помедлив, всё же спросил мальчик. — Их ещё можно исцелить?

— Можно, — на этот раз Лань Фэн ответил без малейшего промедления.

— Правда? — Тянь Цаньцюэ резко вскинул голову, в его глазах вспыхнула робкая надежда.

— Во Дворце Поднебесной есть средство, способное срастить перерезанные каналы меридианов, — Лань Фэн посмотрел на воспитанника, и в его глазах снова промелькнула жалость. — Но ты должен помнить одно незыблемое правило нашего Дворца: за всё нужно платить. Чтобы получить желаемое, придётся отдать нечто равноценное.

Сделав глубокий вдох, учитель продолжил уже тише:

— Мазь Пурпурной Яшмы, исцеляющая подобные увечья, — это редчайшее снадобье. Секретное лекарство, которое хранится лично у Главы дворца. Если оно тебе нужно, просить о нём придётся самого Тянь Исюаня. Причём лично.

Тянь Цаньцюэ замер, поражённый этими словами.

— А нрав у Главы дворца... — Лань Фэн замялся, подбирая наиболее мягкие слова. — Его характер непредсказуем. Он может отказать тебе с порога. Но даже если он согласится, цена, которую он потребует взамен, может оказаться для тебя непосильной.

— Я понял. Спасибо вам, учитель, — после недолгого молчания Тянь Цаньцюэ почтённо поклонился Лань Фэну и медленно побрёл прочь.

«Унижаться перед ним?.. Просить его?»

В душе мальчика бушевал хаос. Он и сам не мог разобраться в тех противоречивых чувствах, что стиснули его грудь.

Следующий день

— Господин Мужун, — негромко позвал Тянь Цаньцюэ, шатаясь под тяжестью огромной деревянной лохани, до краёв наполненной горячей водой. Кое-как удерживая её перед собой, он с трудом переступил порог сырого склепа.

Услышав детский голос, пленник едва заметно повернул голову. Он уставился незрячими глазами куда-то в сторону вошедшего, однако лицо по-прежнему оставалось бесстрастным, точно высеченным из камня.

С глухим стуком лохань наконец опустилась на каменный пол прямо перед Мужун Са. Тянь Цаньцюэ с облегчением разжал онемевшие пальцы.

— Уф-ф... — мальчик шумно выдохнул и принялся усердно растирать затёкшие предплечья.

«Ну и доходяга, — с горькой усмешкой подумал он, глядя на свои тонкие, словно сухие ветки, руки. — В этом теле пятилетнего ребёнка даже самое простое дело превращается в непосильный труд»

— Что ты притащил? — нахмурился Мужун Са. Стук тяжёлого дерева о камни слишком явно прозвучал в гробовой тишине подземелья.

— Горячую воду... — Тянь Цаньцюэ смущённо почесал затылок и, робея, спросил: — Господин Мужун, позвольте мне помочь вам умыться?

«Неужели он настолько одержим желанием стать моим учеником? — подумал Мужун Са. — Готов опуститься до грязной работы, которую обычно поручают лишь безродным служанкам? Или же это очередная забава Тянь Исюаня?»

В памяти невольно всплыл вчерашний плач мальчика — надрывный, полный отчаяния. На мгновение ледяная броня в душе узника дала трещину. Но лишь на мгновение. В следующий миг его лицо вновь приняло холодное, безучастное выражение.

Пленник отвернулся, давая понять, что не намерен снисходить до разговоров, но и мешать не станет. Поняв это молчаливое позволение, Тянь Цаньцюэ помедлил секунду, а затем осторожно приблизился и коснулся плеча мужчины.

— Прочь, — резко оборвал его Мужун Са, стоило пальцам мальчика коснуться его кожи. В его голосе зазвенели ледяные осколки.

— Господин Мужун, я просто хочу помочь, — стиснув зубы, Тянь Цаньцюэ проигнорировал угрозу и аккуратно развёл полы его изодранных одежд. Намочив чистую ткань в тёплой воде, он бережно принялся стирать скопившуюся на теле мужчины грязь.

Узника не мыли много месяцев. Мальчику пришлось раз пять бегать наружу, чтобы сменить потемневшую воду. Закончив с телом, он принялся за длинные, спутанные волосы мужчины — тщательно их промыл и распутал костяным гребнем. Когда с умыванием было покончено, за узким решётчатым окном под высокими сводами уже всю разгорелось утро.

Облачив покорного, хотя и напряжённого как струна Мужун Са в чистые сухие одежды, которые принёс с собой, в смерть уставший Тянь Цаньцюэ тихо попрощался и покинул душный каменный мешок.

Оставшись в одиночестве, Мужун Са прислонился спиной к сырой стене. Влажные пряди приятно охладили плечи. На лице сурового мастера появилось странное, непривычное выражение — смесь растерянности и горького удивления. Но этой мимолётной перемены ушедший мальчик уже не застал.

«Его руки... Сухожилия перерезаны полностью, пальцы даже не вздрагивают»

Выйдя из темницы, Тянь Цаньцюэ нахмурился.

«Неужели и правда придётся идти на поклон к отцу?»

Он обречённо вздохнул и по привычке взъерошил волосы. Мысль о встрече с Тянь Исюанем отзывалась в груди глухой тревогой.

Весь следующий месяц Тянь Цаньцюэ приходил в подземелье каждый день. Он молча приносил воду, бережно омывал израненное тело Мужун Са, расчёсывал его длинные пряди, а закончив работу, собирал вещи и уходил. Никаких расспросов, никаких жалоб или намёков на обучение.

Именно тогда, когда молчаливый узник начал ловить себя на том, что ждёт этих визитов, мальчик наконец принял окончательное решение.

— Учитель Лань, — негромко окликнул наставника Тянь Цаньцюэ, когда дневные занятия подошли к концу и мужчина уже собирался уходить.

— Что случилось? — Лань Фэн обернулся, удивлённо глядя на воспитанника.

— Учитель... я хочу встретиться с отцом. — Месяц сомнений остался позади, решение созрело. Пусть шансы на то, что Тянь Исюань проявит милосердие, ничтожно малы, бездействие гарантировало полный провал. Мальчик был готов рискнуть.

Окинув воспитанника долгим, полным затаённой тревоги взглядом, Лань Фэн молча кивнул в знак того, что передаст просьбу.

Глядя в спину удаляющемуся наставнику, Тянь Цаньцюэ внезапно ощутил укол паники. Ему безумно захотелось крикнуть вслед, вернуть его, сказать, что он передумал... Но он сдержался. Лишь горько усмехнулся собственной слабости и молча проводил учителя взглядом, пока тот не скрылся за поворотом.

— Вот как? Желает удостоиться аудиенции? И всё ради того, чтобы вылечить искалеченного Мужун Са? — Тянь Исюань тихо рассмеялся. Известие несколько его не удивило.

— Да, — лаконично подтвердил Лань Фэн. Перед лицом своего господина он никогда не позволял себе лукавить, приукрашивать вести или утаивать детали. Именно эта безупречная честность и сделала его одним из Четвёрёх посланников Дворца.

— Надо же, как быстро сломался. А я-то думал, он помучается подольше, — вкрадчиво проговорил Тянь Исюань, и в его взгляде блеснул опасный, азартный огонёк. — Что ж, у всего в этом мире есть своя цена. Посмотрим, найдётся ли у моего дорогого сына то, чем он сможет расплатиться.

Немного помолчав, Владыка Дворца небрежно махнул рукой и зловеще улыбнулся:

— Передай ему: если жаждет получить снадобье, пусть явится ко мне завтра на рассвете.

— Будет исполнено, — Лань Фэн поклонился, но, помедлив мгновение, всё же решился спросить: — Позволено ли мне будет узнать, что господин намерен потребовать взамен?

— О Лань Фэн, я погляжу, ты слишком близко к сердцу принимаешь судьбу моего отпрыска? —

Тянь Исюань сощурился, окинув Посланника Книги пронизательным взглядом.

— Господин... скрывать не стану, это так. Молодой господин являет собой... редкое благородство духа, — понимая, что перед хозяином любая ложь обернётся крахом, Лань Фэн ответил предельно откровенно.

— Редкое благородство, говоришь? — Тянь Исюань мягко улыбнулся, продолжая лениво перебирать чётки в ладони. — Красивое качество. Жаль только, в нашем мире одного лишь благородства слишком мало, чтобы выжить.

<http://bllate.org/book/19906/2029042>